

Сегодня. — 1994. — 8 июня. — С. 10.

Виктория Лукьянец: меня спрашивают — сможете вечером спеть Джильду? Я отвечаю — смогу

Алексей Парин

— Расскажите о «Волшебной флейте». Довольны ли вы собой, спектаклем в целом?

— Спектакль был очень хороший, прекрасно пел Курт Молль — Зарастро. Может быть, только темпы были слишком медленные.

— А что говорят ваши коллеги?

— Здесь говорят, что у меня драматическое колоратурное сопрано. Но, конечно, партия Царицы Ночи такова, что постоянно находишься на острие ножа. И особенно тяжело петь в Вене, потому что здесь у оркестра очень высокий строй. Я все время слышу, что пою уже не фа, а фа-диезы. Караян ввел такой строй, все об этом знают, мучаются, но молчат. Я дебютировала на сцене Штаатсопер в этой партии год назад. Потом мне и предложили контракт.

— У вас есть инструментальное образование?

— Да, я пианистка, училась музыке с четырех лет. После музыкальной школы по классу фортепиано мне предлагали поступать и на дирижерский, и на теоретический факультеты. Поэтому мне легче — учу все очень быстро.

— Недавно вы спели Адину в «Любовном напитке». Довольны ли тем, как это получилось?

— Спеть Адину мне предложили неожиданно: вдруг спросили, смогу ли за десять дней возобновить эту партию. Я ответила: «Смогу». Они знали, что я вроде бы когда-то ее пела. Но пела-то я эту партию по-украински на втором курсе консерватории, в оперной студии. Бог знает когда! Я вам честно признаюсь, что уже и музыки-то как следует не помнила, не говоря о тексте.

— А кто были ваши учителя?

— У меня были прекрасные учителя. В училище в Киеве я училась у замечательного педагога Ивана Игнатьевича Поливоды. А в консерватории — у Елизаветы Чавдар, была ее последней ученицей.

— А после окончания консерватории вы уже не брали вокальные уроки?

— Я постоянно занимаюсь с Иваном Игнатьевичем, до сих пор бегаю к нему на уроки, когда позволяют обстоятельства. Контроль нужен. Здесь, конечно, единственный контроль у меня — муж (муж В. Лукьянец — Юрий Коковей, тенор. — А. П.), тем более, что школа у нас одна. Но теперь чувствую, что могу уже сама себя контролировать. А здесь у меня такая школа, такие певцы поют в Штаатсопер! Я прослушала три спектакля «Пуритан» с Груберовой — как много мне это дало! Я хожу в театр каждый раз, когда поет Груберова.

— А вам не обещают в Вене «Пуритан»?

— Обещают... Мне бы хотелось попробовать роли с большими актерскими возможностями. Раньше считалось нормальным неподвижно стоять на сцене и петь. А сейчас время другое, этого мало.

— Простите, что я это скажу, но украинская школа, киевское пение, мне кажется, отличаются — при наличии великолепных голосов — не очень хорошим вкусом, налетом провинциализма. Вы это почувствовали в Вене?

— Да, я с вами согласна, но все зависит от личности. Мне очень помогло, что я сразу вырвалась в Москву, в Петербург. Я начала ездить с девятнадцати лет, когда получила вторую премию на конкурсе имени Глинки. Тогда и вырвалась из провинции в широком смысле. У нас в Киеве ведь привыкли к другим голосам, несколько «блещущим», не западного типа. Мой голос далеко не все понимали и принимали. Сразу после конкурса я на некоторое время вышла из строя, потому что ожидала ребенка. Мой рыбок начался с девятностого года.

— А что у вас в ближайшем будущем?

— Я подписала контракт на «Бал-маскарад» с участием Паваротти. Это такая радость. Постановка будет в ноябре-декабре этого года в Неаполе. Я должна была ехать на прослушивание на эту партию, и вдруг мне говорят, что все уже решено, и присылают готовый контракт.

— А какой у вас контракт здесь, в Вене?

— Постоянный. За четыре месяца, что я здесь, спела четырнадцать спектаклей, из них шесть новых партий. В июне у меня, например, три раза Тебальдо в «Дон Карлосе» и «Золото Рейна», где сумасшедшая партия. Я уже разбаловала, наверное, театр, мне дают новую партию, пусть такую маленькую, как Тебальдо — за десять дней до спектакля.

— Вас легко отпускают из театра на прослушивания, на спектакли в другие места?

— Если я не занята в репертуаре, отпускают легко. Я ездила в «Ковент-Гарден», пела там генеральному директору Катани и выиграла прослушивание на «Травиату». Но сроки «Травиаты» совпали с моим «Балом-маскарадом» в Неаполе. Я посоветовалась с им-

Виктория Лукьянец — это сгусток света. Певческий талант и природное обаяние в соединении с положительной энергией, бьющей через край, обрекли ее на обожание публики. Она влюбилась в себя Москву — и упорхнула в Петербург, и вот уже Интервидение открыло всем ее Царицу Ночи. Не прошло и года, а она уже поет эту партию на сцене венской Штаатсопер, и на следующий день после спектакля мы разговариваем с Викторией в ее венской квартире неподалеку от шумного, многолюдного Пратера.

пресарию, и мы выбрали Неаполь. Мне пришлось сейчас отказаться от «Дочери полка» в Турине, так как это тоже совпало по срокам с «Балом-маскарадом».

— На будущий год вас здесь ждет мировая премьера новой оперы «Стены» по Жану Жене.

— Ой, я страшно боюсь: не знаю, что это за произведение, что там за музыкальный язык. В этом, конечно, минус моего контракта: меня ставят в план и не спрашивают ни о чем. Хотя, впрочем, обращаются со мной бережно, ничего рискованного не предлагают.

— С другой стороны, вам же надо осваивать новый репертуар, и в том числе современный.

— Я пела здесь Холендеру «Марию Стюарт». Он сказал, что очень хорошо, но пока рано. Может быть, он прав. Венская публика взыскательна.

— А может быть, и не рано? Вас так прекрасно принимали в «Любовном напитке», публика была в восторге.

— Если бы вы знали, как я волновалась. Я ведь была на премьере «Пуритан», слышала, как их там ошибали. Вышла из театра белая. Мне казалось, если услышу хоть одно «бу» в свой адрес, нико-

гда больше не смогу выйти на сцену.

— А в вашей жизни не было еще ни одного «бу»?

— Слава Богу, нет. Я бы, похожему, этого не пережила.

— Когда вы выходите на сцену в «Любовном напитке», публика влюбляется в вас с первого взгляда?

— Я иногда думаю: может быть, я не права, так отдавая себя до конца? Груберова, например, очень рассчитывает свои силы, бережет для главных арий, не включает в роль до конца. А я так неразумно трачу себя.

— У каждого свой способ поведения.

— Я чувствую нутром, что веду себя правильно. Это мое естественное состояние, я не могу строить из себя то, чем я не являюсь.

— Вика, мне бы хотелось, чтобы вы рассказали, что вам дала работа с Евгением Колобовым.

— Это уникальный дирижер. Считаю, что меня свела с ним счастливая судьба. Я просто боготворю этого человека за то, что он так отдает себя музыке, он просто сгорает на сцене. Бельканто он чувствует нутром.

— Да, я не видел здесь ни одного дирижера, приближающегося к Колобову по пониманию бельканто.

— Когда я пела с ним «Марию Стюарт», плохо петь было просто невозможно. Когда поешь с ним вместе, идет разговор с Богом. Делаешь вещи, которые без него никогда не повторить.

— Трагедия Колобова в том, что не все певцы могут следовать за ним.

— Ему надо было бы работать здесь, с великолепными певцами! — Вы будете петь еще что-нибудь из немецкого репертуара, кроме Воглинды в «Золоте Рейна»?

— По-моему, в плане театра уже очень много для меня намечено — в том числе из немецкого репертуара. Должна быть и Зербинетта из «Ариадны на Наксосе», и еще что-то. Сейчас мне дают учить Зербинетту и Эльвиру из «Пуритан». Очень хотела бы спеть хоть один спектакль «Риголетто», Джильда — очень моя партия. Я недавно спела ее в Штутгарте с огромным успехом. Спектакль очень современный, действие перенесено в сороковые, военные годы.

— Вы любите современную режиссуру?

— Понимаю, что это нужно, но не всегда принимаю. Конечно, если спектакль поставлен талантливо, тогда все вопросы отпадают. Разумеется, надо искать новые формы! А с «Риголетто» в Штутгарте была очень интересная история. В полдень меня вызвали в дирек-

цию венской Штаатсопер и спросили: «Сможете спеть «Риголетто» в Штутгарте сегодня вечером?» Я отвечаю: «Смогу. Но мне нужна немецкая виза». Час я ждала, пока улаживали вопрос с визой, вспоминала судорожно текст. В восемь мне надо выходить на сцену в Германии, а в час дня я еще сижу в Вене в кабинете директора. В три я была дома, в четыре вылетела в Штутгарт, а в восемь была на сцене. Перед спектаклем, в шесть, спела еще репетицию. Но поскольку спектакль был очень сложный, современный, то я стояла на сцене в луче прожектора не двигаясь и пела, а потерявшая голос актриса делала все мизансцены.

— Что-то подобное у вас было с вводом в Колобовскую «Марию Стюарт»?

— Да. 16 ноября мне дали в руки клавиш, 17-го я была на репетиции, а 18-го, когда я пришла на очередную репетицию, меня спросили, не смогла бы я спеть вполголоса всю партию. А были уже сценические оркестровые репетиции. Я говорю: «Смогу», открываю клавиш и полным голосом пою весь спектакль с оркестром. А в это время певица, которая должна была петь, но не смогла, делала все мизансцены. Все это я вспомнила в Штутгарте. После этой репетиции с Колобовым 18 ноября он меня спросил: «А вы сможете спеть премьеру 3 декабря?» Я ответила: «Смогу».

— Что еще интересного в будущем?

— Мне предложили в мае будущего года во Франции в Монпелье пять спектаклей «Риголетто». Я пошла в дирекцию, а мне сказали, что не могут отпустить меня, поскольку в мае я должна петь здесь как раз эту новую оперу «Стены». Потом мне предложили на октябрь 1995 года в Испании спеть Блонду в «Похищении из сераля». Я иду опять в Штаатсопер, и мне показывают, что на это время я запланирована на «Травиату». Там в плане я стою на две «Травиаты» и на три спектакля «Сказок Гофмана», где буду петь Олимпию с Пласидо Доминго. Так что, говорят, выбирайте: или вы споете здесь эти спектакли, или поедете в Испанию на Блонду. Конечно, они здесь хорошо все продумывают и «двигают» певца. То, что делает для молодежи венская опера, не делает ни один театр. Я очень им благодарна.

— «Травиата», кажется, может возникнуть и в другом месте?

— В 1996 году Мути ставит «Травиату» в Зальцбурге. Я показывалась Жерару Мортье и всей его команде. Они сказали: «С нашей стороны никаких вопросов, теперь дело за Мути». Здесь, в Вене, я пела Мути, после чего он мне дал урок. «А ми-бемоль можете взять на пиано и раздуть?» — Могу. — А можете сразу давать вибранто, а не так, как вас учат в Вене — инструментальным голосом? — Могу. Сделала я все, как он просил. Мути остался очень доволен, сказал, что будет думать.

— Первая Олимпиада у вас стоит в октябре 1995 года?

— Может быть, спую и раньше, но наверняка в октябре 1995 года. На следующий сезон все Олимпиады — у Дессэй. 17 декабря 1993 года Дессэй спела премьеру «Сказок Гофмана» — и сразу стала звездой.

— А вам не предлагали работать в Большом театре?

— Предлагали, но я сразу отказалась идти к ним в штат. Когда я пела там «Царскую невесту», хористы сказали, что они плакали. Я должна была петь в Большом «Травиату», но потом мне в театре сообщили, что им навязали какую-то стажерку из Америки, и будет петь она. А тут Гергиев взял меня на «Волшебную флейту», так что Большой отпал сам собой.

— А потом вы пели в концерте с Гергиевым Людмилу?

— Да, но это была ужасная авантюра. 5 февраля я спела прямо с поезда прослушивание на «Волшебную флейту», а вечером Гергиев мне говорит: «А вы сможете завтра спеть на Останкино «Руслана и Людмилу»? Я говорю: «Смогу».

— Вика, вы, по-моему, всегда говорите: «Смогу»!

— Когда человеку дается шанс, я хорошо знаю, что второго такого шанса не будет. У меня был на 5 февраля на вечер обратный билет на Киев, я собиралась сразу после прослушивания вернуться домой. Но что поделаешь? Мне нашли платье, туфли, сделали прическу. В шесть часов, перед концертом была репетиция. До этой репетиции я не слышала оркестра, не видела Гергиева за пультом. Поэтому на концерте я не показала настоящего своего качества: очень волновалась, думала только о том, чтобы нигде не разотяться с оркестром, не подвести Гергиева. Это же был прямой эфир!